

В Москву

Шли годы, но мечта об инженерной карьере не ослабевала, вот только ее осуществление отодвигалось год за годом. В 1929 году отец вплотную подошел к критическому рубежу, ему исполнилось 35 лет, по существовавшим тогда законам, старше этого возраста в высшие учебные заведения не принимали. Отец решил действовать. Он поехал в Харьков, пробился на прием к Первому секретарю ЦК Компартии Украины Станиславу Косиору, упрямил его отпустить на учебу в Москву и, более того, рекомендовать в Промышленную академию.

В Москве, в Промышленной академии отца, несмотря на рекомендацию члена Политбюро ЦК, приняли более чем прохладно, сослались на недостаток «руководящего хозяйственного стажа» и порекомендовали вместо академии пойти на курсы марксизма-ленинизма при ЦК партии. «Вам туда, – сказали ему, вспоминает отец в своих мемуарах, – а здесь создано учебное заведение для управляющих, для директоров». В академию принимали хозяйственников, бывших рабочих, ставших после революции директорами заводов. Им требовалось во что бы то ни стало срочно набраться знаний, стать профессионалами. Отец же – партийный работник, мог и повременить. Но он уже принял решение, а характера ему уже тогда было не занимать. «Пришлось мне побеспокоить Лазаря Моисеевича Кагановича и попросить, чтобы ЦК поддержало меня. Каганович тогда занимал должность секретаря ЦК. (Каганович Л. М., родился 22 ноября 1893 года на Украине в селе Кабаны Чернобыльского уезда Киевской губернии, по профессии сапожник; отучился в четырехлетней сельской школе, далее занимался самообразованием. С отцом впервые они встретились в октябре 1915 года, тогда Каганович под именем Бориса Кошеровича, уроженца города Шауляй, выступал на шахтерских митингах в Юзовке.) Я добился своего, Каганович меня поддержал, и таким образом я стал слушателем Промышленной академии», – с гордостью констатирует отец.

Отец поступил в Промышленную академию, но рано торжествовал победу, его подвела его же натура – активность, страсть вмешиваться во все, стремление верховодить. Отец становится секретарем парткома академии, с головой окунается в борьбу с оппозицией Сталину. Какая тут учеба? Но он старался изо всех сил, а так как сил на все не хватало, отбрасывал второстепенное. Что считать второстепенным, отец решал сам, не колеблясь, отнес к не имеющим реальной ценности в жизни, предметам и иностранный язык. Кому и когда он понадобится?

В апреле 1989 года, в девяностопятилетие со дня рождения отца, (оно пришлось на годы Горбачевской перестройки, когда после четверти века забвения, о нем стало безопасно упоминать), Дом кино организовал вечер памяти Хрущева. Устроители отыскивали живых свидетелей, среди них оказалась и Ада Александровна Федорова. Она преподавала в академии английский язык и, мягко говоря, осталась не в восторге от «успехов» отца. Рассказывала Ада Александровна о своих учениках с юмором. Отец едва удосужился выучить латинский алфавит, но двойку ему она поставить не решились, все-таки секретарь парткома академии. В ректорате нашли иной выход – вычеркнули английский из вкладыша к диплому.

По предметам, для отца важным, – математике, физике, черчению, он учился хорошо, даже отлично. Но доучиться отцу не дали, выдернули из академии и бросили на борьбу с оппонентами Сталина. В те годы член партии не распоряжался своей судьбой. Отец стал секретарем Бауманского, потом Краснопресненского райкомов Москвы.

Так ему пришлось распрощаться с мечтой о дипломе инженера, предстояли иные университеты. Шагая по ступенькам партийной карьеры в Москве, от секретаря райкома до секретаря Московского комитета, он постоянно набирался знаний у людей, с которыми его сталкивала жизнь. В Бауманском районе она свела отца с тогда еще молодым авиаконструк-

тором Андреем Николаевичем Туполевым. Общаться со строптивым ученым оказалось ох как трудно! От отца требовали обеспечить на предприятиях района производство бомбардировщиков. Он пошел в ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт), на улицу Радио, знакомиться с людьми. Туполев с порога огорошил его: «Я конструирую летательный аппарат, а что вы на него навесите: бабы юбки, пулеметы или бомбы, не мое дело». Андрей Николаевич лукавил, испытывал отца. Тот выдержал испытание, нашел с Туполевым общий язык. Бомбардировщик, кажется, ТБ-3 сдали в срок. Дружеское взаимное расположение сохранилось у них на всю оставшуюся жизнь.

Потом пришла пора строительства московского метро. Отца, тогда уже второго секретаря Московского горкома партии, заместителя Кагановича, Сталин сделал ответственным за строительство, видимо как бывшего шахтера. Хотя слесарить в шахте и строить тоннели в московских плывунах далеко не одно и то же. Отец любил рассказывать, как он дневал и ночевал на стройке, через тоннель метро ежедневно утром шел пешком на работу в Московский комитет партии, вечером тем же путем возвращался домой. Тогда всех мучила проблема эскалаторов. Это сейчас они часть обыденной жизни, а в начале 1930-х годов за них приходилось сражаться не на шутку. Многие маститые инженеры, в том числе начальник строительства Павел Павлович Роттерт, стояли за доставку пассажиров с поверхности земли на перроны лифтами, так же, как это происходило в лондонской подземке. Молодой и никому не известный инженер по фамилии Маковецкий считал затею с лифтами неразумной и предлагал заказать в Германии самодвижущиеся лестницы-эскалаторы. Они только начали появляться, а Роттерту казались вообще дикостью.

В обход Роттерта, Маковецкий обратился за поддержкой к отцу. Отец его принял, долго расспрашивал и, уверившись, встал на сторону Маковецкого. Роттерт вспылил: мальчишка-инженер вместе с этим «недоучкой» – ему не указ. Он пожаловался Кагановичу. Каганович растерялся: «Надо идти на Политбюро, к Сталину, (последний утверждал, что и как строить в московском метро), а Роттерт – против и Сталин может нас (Хрущева с Маковецким) не поддержать».

Отец настаивал на своем. Сталин принял их с Маковецким сторону. Если бы не интуиция отца, о предложении Маковецкого никто бы и не узнал, метро осталось бы без эскалаторов на долгие годы. Конечно, они бы в конце концов появились, но дорого яичко ко Христову дню.

«Пробил» отец и другую идею Маковецкого – перейти от строительства метро открытым, немецким, способом траншеями на подземную, как в Лондоне, прокладку тоннеля с помощью так называемых щитов, вращающихся буров-кротов многометрового диаметра. Они оставляли за собой почти готовую нору-тоннель, стены которого затем крепили чугунными секциями-тубингами. Так теперь строят повсеместно, а тогда нововведение Маковецкого мало кто поддерживал. Пришлось отцу и за него повоевать.

Занимался отец не одним метро, город одолевало множество других проблем, крупных и мелких. В 1932 году, по словам отца: «... в Москве была голодуха, и я, как второй секретарь горкома, изыскивал возможности прокормить рабочий класс».

От безысходности занялись на заводах разведением кроликов, выращиванием шампиньонов. Заложили в заводских подвалах грибницы. Их, вспоминал отец, рабочие окрестили «гробницами». Но как бы то ни было, голод отступил. Маленькое дело, незначительное по нынешним временам, но тогда...

А городские туалеты?! Канализацию в Москве только начинали прокладывать, и о них даже не помышляли. Мелочи? Отец же считал, начало внедрения туалетов в быт москвичей своим большим достижением. До того горожане справляли нужду исключительно в подворотнях и парадных, а теперь пожалуйста в специально отведенное для того место. Многие над отцом и сейчас посмеиваются, нашел, чем хвастаться. А я вспоминаю одно из первых своих

публичных выступлений в США в 1991 году, в многомиллионном Сиэтле. Тогда Москвой заправлял демократ Гавриил Попов. Набирала силу кампания переименования улиц, подпирала и другие демократические новации. Я о них рассказывал с упоением. На моей лекции присутствовал мэр Сиэтла. Слушал он меня внимательно, а когда я иссяк, встал и бросил реплику: «Главная забота мэра большого города не лозунги, а канализация, случись что с ней – больше не переизберут!» Тогда я недовольно поежился, а теперь понимаю, насколько они с отцом правы.

Еще одна московская проблема тридцатых годов: мосты и набережные. Тогда-то и началось приобщение отца к новейшим строительным технологиям. Он прилежно учился. Учителями же его стали лучшие специалисты своего дела, московские, естественно. Он разговаривал с ними подолгу, расспрашивал о деталях, жадно впитывал новые знания. Успокаивался он, только когда чувствовал, что докопался до сути, не сравнился с ними, но понял их правильно.

«Соответствующих знаний и опыта у меня не было. Приходилось брать усердием и старанием, затрачивая массу усилий», – напишет отец через тридцать с лишним лет в своих воспоминаниях.

Несмотря на карьерный взлет, до второй половины 1930-х годов отец воспринимал свои новые, все более высокие партийные должности, как временные, не расставался с сундучком со слесарным инструментом, вывезенным еще из Донбасса. Казалось, еще немного, еще чуть-чуть, и он вернется к настоящему делу. Да и зарабатывал отец до революции слесарем побольше, чем платили секретарю Московского горкома партии. Только в 1938 году, когда Сталин решил направить отца в Киев, назначить Первым секретарем ЦК Компартии Украины и одновременно избрать кандидатом в члены Политбюро ЦК, он окончательно отбросил мысли о возвращении к карьере слесаря.

Отцу не довелось стать инженером. Он стал управляющим, на современном жаргоне – менеджером. В централизованной государственной экономике политический лидер любого ранга занимается не столько политикой, сколько развитием экономики. Здесь талант не менее важен, чем образование. Менеджер никогда не добьется успеха без интуиции, без чувства нового, без умения организовать людей. Всем этим Бог наградил отца сполна. И он преуспел.

Спустя много лет, в сентябре 1959 года, отец, признанный мировой лидер, во время официального визита в США посетил в Сан-Хосе в Калифорнии завод компьютеров фирмы ИВМ. Принимал его президент и сын основателя компании Томас Уотсон-младший. Еще через четверть века, в начале 1990-х годов мне довелось встретиться с ним, и мистер Уотсон поделился впечатлениями о той встрече. В 1959 году отношения между СССР и США только начинали оттаивать, речи не шло о сотрудничестве. О взаимной терпимости, отец называл ее мирным сосуществованием, только начали говорить. Тома Уотсона проинструктировали из Госдепартамента: «Держаться корректно, не выходить за рамки протокола, никаких улыбок, не говоря уже о большем». Последнее казалось излишним, какие симпатии могли возникнуть между крупнейшим миллиардером США и лидером страны, поставившей своей целью отобрать эти миллиарды у богатых и раздать людям?

– Когда мы встретились, – рассказывал мне мистер Уотсон, – выдержать официальный тон удалось только первые несколько минут. Потом ваш отец удачно пошутил, все заулыбались, установился контакт. Мы пошли по цехам. Ваш отец разговаривал с инженерами, рабочими и всегда находил нужное слово, нужную интонацию, хотя ни черта не понимал в компьютерах. Этим уникальным качеством, позволяющим управляться с людьми, обеспечивающим успех в деле, в бизнесе, из тех, кого я знал, обладал еще только один человек – мой отец. Он также легко овладевал любой аудиторией.

Из уст Тома Уотсона эти слова прозвучали не пустой похвалой. Его отец – Том Уотсон-старший, приобретя захудалую фабричку швейных машин и часов-ходиков, только благодаря своему таланту организатора, превратил ее в мирового лидера компьютерной премудрости. Он, как и отец, слабо разбирался в тонкостях вычислительной техники. Так что образование – лишь один из компонентов успеха государственного деятеля или крупного менеджера. В этом их судьба схожа с судьбой настоящих писателей, актеров, им тоже успех обеспечивается не красным дипломом литературного института или театральной академии.

Не доучившись в школе и Промышленной академии, отец черпал свои знания в общении с людьми творческими, неординарными, естественно, из тех областей знаний, которые его особенно интересовали. Он с удовольствием и подолгу беседовал с главными конструкторами самолетов и тракторов, ракет и сеялок, станков и телевизоров, но и тут при одном условии: собеседник должен знать и любить свое дело. Тех, кто лишь занимал соответствующее кресло, отец раскусывал быстро, вежливо выслушивал, сердечно прощался и больше никогда не приглашал. Знакомством с людьми, досконально владеющими предметом, увлеченными своим делом, отец искренне гордился, часто наезжал к ним в исследовательские институты и конструкторские бюро.

Позволю себе немного отвлечься. В конце 1990-х годов я получил по почте увесистый том воспоминаний киевлянина Петра Палия. Палий пишет не об отце, он рассказывает о собственной жизни, о войне, о немецком плене, об армии генерала Власова и о своей службе в ней. Только в самом начале книги автор мельком вспоминает довоенный Киев. Там он, уже немолодой, отсидевший срок за «вредительство» технарь, оказался в должности главного инженера строительства ТЭЦ (теплоэлектроцентрали). Сооружали ее новым скоростным крупноблочным методом, и отец им сразу заинтересовался. Он приехал на строительную площадку, затем пригласил к себе в ЦК начальника строительства Трофима Миронова, начал расспрашивать его о технических деталях. «После двух таких докладов, – пишет Палий, – Хрущев сказал Миронову: “Ты Трофим, мало разбираешься, присылай с докладом своего главного инженера”», то есть Палия. Больше Миронов к Хрущеву не ездил. Это свидетельство совершенно случайного человека, от отца далекого и в чем-то ему даже враждебного.

Еще один источник знаний – отчеты о еще редких тогда командировках наших специалистов за границу, статьи о технических новинках в журналах и газетах, научно-популярные фильмы. Заинтересовавшись, он вызывал к себе авторов, подолгу беседовал и все запоминал. Памятью природа наделила отца феноменальной. Казалось, он не забывал ничего, в ней фиксировались цифры надоев молока и урожаев сои, дальности полетов самолетов и ракет, мощности турбин и еще многое, многое другое, что могло ему понадобиться... или не понадобиться. В результате, не только удовлетворял свое любопытство, но и держался на уровне последних достижений науки. Каждую услышанную или увиденную малость отец стремился обратить на пользу делу.

Человек, с дипломом или без него, учится всю жизнь, черпает в ней то, что важно для его профессии и отбрасывает «шелуху». Секрет успеха кроется в способности человека отделить зерна от плевел. Что же до формального образования?... Ординарному человеку – необходимо, выдающемуся оно лишь подспорье, облегчающее продвижение по жизненному пути. Чтобы добиться большего, нужен еще и талант. Если его нет, то никакое образование не поможет. Как и где провести грань между «образованцами», как их метко назвал Александр Солженицын, прослушавшими все курсы, сдавшими все экзамены, получившими дипломы МГУ, Итона или Гарварда, и людьми, отмеченными талантом, в молодые годы определившимися со своим предназначением, самостоятельно или с помощью других, овладевшими глубинным знанием, неважно – в физике, музыке, сочинительстве, строительстве или менеджменте-управлении. Ответ совсем не лежит на поверхности.

Для человека воистину талантливого и целеустремленного большинство преподаваемых ему в учебном заведении дисциплин не нужно, экзамены только мешают изучению предметов, для него действительно важных. Для него, после овладения необходимым минимумом знаний, дальнейшее обучение в десятилетке, а затем в университете – время, в значительной степени растраченное неэффективно, в ущерб истинному знанию, черпаемому из книг, общению с умными людьми и просто размышлениям.

Другое дело «посредственность-образованец», диплом и отметки для него – все, все, чего он может достичь – *мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь*.

Формальное образование позволяет посредством обрести знания, обеспечивающие будущее, и рассчитано оно на посредственность, ибо подавляющее большинство из нас – посредственности. Для посредственности «корочки» – признак образованности, отличия от недипломированных неучей, в число которых зачисляются таланты и даже гении. Ведь судят, кто гений, а кто – нет, те же посредственности. Для них «не способный» или не желающий получить какой-либо аттестат, будь он даже семи пядей во лбу, не заслуживает внимания.

Формальное образование одного из самых блестящих советских военачальников – маршала Константина Константиновича Рокоссовского сводилось к четырем классам сельской школы до революции и ускоренным командирским курсам после нее. Ни выдающийся советский физик академик Николай Николаевич Боголюбов, ни основатель теории относительности Альберт Эйнштейн не удостоились университетских дипломов, а гениальный американский изобретатель Томас Алва Эдисон – вообще самоучка. До всего они дошли своим умом. Судьба Эйнштейна, Боголюбова или Эдисона – это история успеха. О множестве других талантов, сгинувших в безвестности с клеймом «неуча», тех, кто не смог пробиться сквозь формальные преграды, установленные посредственностью, мы просто не знаем ничего. Ибо посредственность – это великая сила. Образованные посредственности, как все посредственности, непоколебимо уверены в собственной правоте и, получив возможность распоряжаться судьбами людей, могут наломать немало дров. В этом россияне убедились в 1990-е годы на собственном опыте, когда к власти в стране пришли «образованцы» – Гайдар и его команда. Они в считанные годы спустили народное достояние, наработанное по меньшей мере четырьмя-пятью предыдущими поколениями.

На это отступление от темы меня навели многочисленные публикации, муссирующие одну тему: орфография Хрущева оставляет желать лучшего. Особенно меня задела книга одного бывшего советского генерала, занявшегося жизнеописанием советских вождей, в том числе и отца. Бог с ней, с фамилией генерала, еще недавно она держалась у всех на слуху, а теперь ее стали подзабывать. Человек он неплохой, но, как и многие выходцы из армейских полторганов, прямолинейно-недалекий. Получив уникальный шанс знакомиться с любыми документами в Кремлевском архиве, он не проявил интереса к их исторической сущности, а по укоренившейся замполитовской привычке, занялся поиском «блох», якобы подтверждавших «правоту момента». Момента, заданного сверху и в который он в очередной раз уверовал. Таким манером десять и более лет ранее он разоблачал империализм Эйзенхауэра, Кеннеди, Рейгана или Черчилля с де Голлем. Теперь с тем же рвением он выискивал «родимые пятна» на теле коммунистического прошлого и его лидеров, в частности Хрущева. В очерке об отце автор не обсуждает всерьез ни внутреннюю, ни внешнюю политику, ни реформы армии, ни совнархозы, ни сельское хозяйство, не говорит ни слова об успехах и даже поражениях отца, но основное внимание сосредотачивает на орфографии нескольких (из сотен) резолюций. Как будто он не генерал-политик, а учитель пятых классов. Да, отец писал с ошибками, как писал с ошибками и нобелевский лауреат академик Николай Николаевич Семенов или академик Михаил Лаврентьев, которого из-за ошибок в правописании в свое время не приняли в гимназию... Все это правда, но не единственная правда об отце.